
V. Новые народные стишки.

Изъ деревенскихъ замѣтокъ.

I.

...Сегодня первый день «Свѣтлой недѣли» — Свѣтлое Воскресеніе. И точно, есть въ этомъ свѣтломъ днѣ что-то поистинѣ «свѣтлое». Вчера еще, въ страстную субботу, т.-е. за нѣсколько часовъ до «Свѣтлого дня», на деревнѣ, на всемъ обиходѣ ея жизни, на всѣхъ ея обывателяхъ отражались еще темныя, суровыя, скучныя тѣни зимняго времени, зимняго прозябанія; даже и предираздничныя хлопоты не убавили темноты этихъ зимнихъ тѣней.—«Берн поль-тelenка!»—слышится краткая рѣчь обывателя, сказанная дѣловымъ, сухимъ тономъ.—«Ну-к-што-жъ!» — такимъ же дѣловымъ тономъ отвѣчаетъ другой обыватель, и оба молча идутъ по грязи улицы, по грязи двора, прямо въ грязнѣйшій хлѣвъ, и здѣсь молча прерываются ножомъ юный звукъ юнаго телячьяго баритона, свидѣтельствующаго о томъ, что давно бы бабѣ надобно принести юнцу молока. Звукъ ирерванъ сразу, перерѣзанъ какъ нитка, и опять изъ хлѣва слышатся суровые звуки.—«Два пуда пятнадцать...»—«Ну-к-што-жъ!» Четырьмя лапами дерутъ молчаливые обыватели шкуру, теребятъ нутро, гвоздятъ топоромъ въ телячью спинную кость и, сказавъ другъ другу: «ирощавай», волокутъ на плечахъ каждый къ своей бабѣ по полуутѣла невинно убиенныхъ телятъ. А когда они волокутъ телятъ, откуда-то отъ сосѣдей слышенъ неистовый, истерический вопль свиньи. Но и этотъ вопль вдругъ прекратился въ мертвомъ молчаніи деревенской улицы, и слышится опять тотъ же звукъ, доказывающій, что и надѣ свиньей орудуютъ ужъ топоромъ. Молчаніе въ это время всеобщее, работа черная, грязная; молчать мужики, молча неистовствуютъ грязныя съ головы до ногъ бабы въ океанѣ накопленной за зиму грязи, которую надо всю истребить къ

Свѣтлому дню. Позднею ночью плетутся обыватели изъ жаркихъ башъ въ еще болѣе жаркія избы: нахнеть здѣсь сырымъ горячимъ поломъ, горячимъ хлѣбомъ, горячимъ мясомъ. Еле-еле дотягиваются до заутрени.

Но вотъ и утро Свѣтлого дня. День ясный и тихій, и опять тишина на дворѣ и на улицѣ, но уже не та суро-вая тишина, чѣмъ вчера: отѣхаютъ люди отъ зими, отъ поста, отъ хлопотъ и отъ розговенъ. Вѣтъ началомъ по-левого весеннаго труда, дѣло идетъ къ веснѣ, къ травкѣ, къ зелени древесной. «Святая!»—покончено, стало-быть, съ зимой, съ сугробами, выюгами, гололедицей. Начинается новая жизнь, и ужъ измѣны въ ней къ худому и къ су-ровому не будетъ. Тихо и пустынно въ деревнѣ, пока не отойдетъ поздняя обѣдня; да и послѣ поздней обѣдни на-родъ расходится молча, поспать еще тянетъ каждого. Но къ часу дня посреди дороги идетъ уже «гостить» въ со-сѣднюю деревню молодой парень; онъ, конечно, въ пиджакѣ, въ высокихъ сапогахъ и съ гармоніей, которою от-крываетъ сезонъ мясоѣда. Онъ только тронулъ, перебралъ, сдѣлалъ два-три «перебора», главнымъ образомъ на басахъ, и явно для всѣхъ такимъ образомъ засвидѣтельствовалъ, что сезонъ весенній начался.

А скоро вслѣдъ за звукомъ гармоніи, какъ и всегда, не-вѣдомо откуда доносятся звуки дѣвичьихъ пѣсень. Откуда они? Никогда не угадаешь. Но они всегда одни и тѣ же, они вѣковѣчны въ своей пріятнѣйшей гармоніи и мили именно тѣмъ, что вѣчны, неизмѣнны; невѣдомо откуда не-сутся, но всегда доносятъ вѣковѣчную радость жить на свѣтѣ. Чего-чего ни пережито этой деревней, хотя бы въ эту зиму? И холодъ, и всякий недостатокъ, и хворь, и до-машняя, семейная вражда: были случаи, опивались люди, замерзали, было убийство; были случаи, что человѣкъ разо-рился, другой сгорѣлъ; были непріятности изъ-за пода-тей, изъ-за долговъ кулакамъ; были горькія слезы, когда миленъкихъ дружковъ въ солдаты гнали, отчего изъ восьми неувѣстъ, вполиѣ увѣренныхъ, что прошлымъ мясоѣдомъ онѣ уже будуть замужемъ, только двѣ пристроились, да и то одна черезъ мѣсяцъ, вся избитая, воротилась къ роди-телямъ. Горя, нужды, тоски, холода, голода, слезъ, злобы—тьма! Но вотъ несутся же эти животворные, вѣчные, не-измѣнныя звуки, несутся они какъ звуки пѣсни жаворонка. Неизмѣнна эта пѣсня сначала для малаго ребенка, потомъ для молодого парня и наконецъ для старика. Человѣкъ

быть ребенкомъ—сталь старикомъ, а жаворонокъ все тотъ же: все такъ же спрячется въ солнечномъ лучѣ, въ глубинѣ свѣтлого воздуха, и поеть все ту же, вѣковѣчно неизмѣнную, радостную пѣсню. И народная пѣсня такая же вѣковѣчно неизмѣнная, и она говорить только о неугасимой, несокрушимой силѣ жизни, напоминаетъ только эту радость жить, звучитъ никогда не старѣющимъ, вѣчно и неизмѣнно юнымъ звукомъ.

Конечно, если разыскать этотъ хоръ и подойти къ нему поближе да послушать, какъ «визжать» эти измучившіяся за зиму и приготовляющіяся мучиться лѣтомъ крестьянскія дѣвушки,—то, можетъ-быть, впечатлѣніе было бы и другое; но я говорю именно о наилучшемъ впечатлѣніи, которое производятъ эти дѣвичьи хоры. Трогали меня и прежде эти невѣдомо откуда доносящіяся отрадные, вѣчно неизмѣнныя и вѣчно цѣлебные, животворящіе звуки; но въ тотъ Свѣтлый день, о которомъ теперь идеть рѣчъ, они какъ-то особенно сильно взяли меня за живое.—«Вѣдь не угасаетъ жизнъ-то!—подумалось мнѣ. — Неизмѣнно живеть живая душа!» Горя много зналъ я—и своего и чужого; много знали мы, деревенскіе обыватели, всякихъ мученій отъ суеты суетъ. Не отдохнуть ли хоть немножко въ этой музыкѣ народной пѣсни, гдѣ и горе-то облечено въ такую форму выраженія, которая оживляетъ сердце ощущеніемъ радости «вѣчной жизни»?

Подъ такимъ впечатлѣніемъ я и задумалъ пересмотрѣть разныя тетрадки съ новыми народными стишками, въ разныя времена доставленными мнѣ кой-кѣмъ изъ монхъ пріятелей или по моей просьбѣ записанными самими крестьянами, и извлечь изъ нихъ все, что хоть мало-мальски можетъ дать понятіе, о чёмъ *теперь* поеть народъ? Точнаго и обстоятельнаго отвѣта на этотъ большой вопросъ въ этой замѣткѣ никоимъ образомъ быть не можетъ: и материала у меня немного, весь онъ къ тому же состоять изъ лоскутковъ и клочковъ, и относится онъ частью къ одной мѣстности, а частью взять изъ такихъ условій народной жизни южныхъ губерній, которая съ нашими сѣверными мѣстами не имѣютъ ровно ничего общаго.

II.

Какой-нибудь новой *пѣсни*, которая бы выпала непосредственно изъ земледѣльческой среды, я не слыхалъ, и въ тетрадкахъ, гдѣ записано то, что поется народомъ, нѣть

ничего, чтò бы имѣло законченную форму. Поэты, выходящіе изъ крестьянской среды (такіе поэты есть, и обѣ одномъ изъ нихъ я разскажу ниже), хотя уже и могутъ, благодаря знанію грамоты, изложить свои сочиненія письменно, но большею частью они уже тронуты какими-нибудь посторонними крестьянской жизни вліяніями, почему въ ихъ произведеніяхъ иногда высказываются самыя, какъ говорится, «превратныя» понятія о хорошихъ и худыхъ явленіяхъ жизни.

Какъ-то зимой, рано утромъ, явился ко мнѣ въ Петербургъ одинъ изъ такихъ поэтовъ, разузнавъ предварительно мой адресъ въ деревнѣ. Это былъ крестьянинъ лѣтъ 32—35, одѣтый по-приказчичьи, съ мелкими завитками бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и въ бородѣ, человѣкъ нервный, сіявший какимъ-то внутреннимъ възбужденіемъ, и, съ первыхъ же словъ знакомства, немедленно приступилъ къ чтенію своихъ стиховъ. Онъ читалъ ихъ быстро, чтò называется— бормоталь, тискалъ одно слово въ другое, такъ что я не разъ просилъ его говорить порѣже. Было чрезвычайно необыкновенно видѣть этого мужика, который, въ 7 часовъ утра, читаетъ мнѣ поэму собственнаго сочиненія о своей жизни.

Онъ женился молодымъ мальчикомъ на красавицѣ и жилъ съ пей по-крестьянски года два. Въ это время одинъ баринъ какого-то разорявшагося и угасавшаго рода влюбился въ сестру своего бывшаго дворового; братъ этой сестры сталъ вытягивать изъ барина чрезъ нее деньги, сталъ наживаться и скоро вышелъ въ купцы, выстроилъ заводъ да и влюбился въ жену нашего поэта. Ароматъ денегъ и наживы тогда только-что начиналъ ощущаться въ деревенской атмосферѣ и сильно щекоталъ непривычное къ нему обоняніе мужиковъ и бабъ. Жена поэта недолго думала, ушла отъ мужа и въ теченіе восьми лѣтъ, въ свою очередь, сумѣла въ конецъ разорить новоявленнаго купца- заводчика; оба они въ теченіе восьми лѣтъ только кутили и гуляли, и догулялись до того, что къ концу восьми лѣтъ мужъ бѣглаки видаль ее вмѣстѣ съ любовникомъ въ городѣ пьяныхъ, оборванныхъ, валяющихся въ грязи. Но, истощивъ средства своего друга, баба наконецъ ушла отъ него, скрылась, пропала неизвѣстно куда. Чрезъ пять лѣтъ мужъ, уже хлопотавшій о разводѣ, узнаѣть, что жена его живеть въ Петербургѣ на хорошемъ мѣстѣ, получаетъ хорошее жалованье и ведеть себя такъ, что лучше и не

надо. Онъ разыскалъ ее, разыскалъ не болѣе четырехъ дней передъ тѣмъ, какъ приди ко мнѣ, и вотъ почему, приди ко мнѣ, быль въ нервномъ, возбужденномъ состояніи. Онъ опять сошелся съ женой, написъ, что она хорошая женщина, что ее надобно простить, потому что и самъ онъ предъ ней, за эти 13 лѣтъ разлуки, быль «очень виновенъ», хотя totчасъ послѣ того, какъ она сбѣжалась, ходилъ въ монастырь и совѣтовался съ монахами: «какъ ему жить одному?» Года три исполнялъ онъ совѣты монаховъ, а потомъ и погибъ. Очевидно было, что онъ переживалъ очень трогательныя минуты или, по крайней мѣрѣ, очень многосложныя. Между прочимъ, онъ сказалъ и про жену:

— Вотъ ужъ четвертый день живемъ, слава Богу! И даже вотъ какая стала: я ей все стихи сказываю, а она говоритъ: «что ты, говорить, про божественное чего-нибудь мнѣ не скажешь?» Вотъ какая стала!

И, немножечко помолчавъ, прибавилъ:

— Ну, и состояніе дѣйствительно имѣеть!

Зашла рѣчъ о любовницаѣ барина, «куда она дѣвалась?

— А замужъ вышла, какъ баринъ-то всего рѣшился.

— Да развѣ ничего, что она «такая» была?

— Такъ вѣдь лучше съ «состояніемъ» взять, чѣмъ безъ состоянія.

Какія-то тлетворныя вліянія, очевидно, попортили его простые взгляды на жизнь. И точно, въ промежутокъ тринадцати лѣтъ разлуки съ женой онъ не все жилъ въ деревнѣ; одинъ разъ занялся на сыроваренномъ заводѣ, но когда завелъ это дѣло въ своемъ хозяйствѣ, то отецъ избилъ его въ пьяномъ видѣ по совѣту завистниковъ выгодному дѣлу — сосѣдей. Потомъ онъ ушелъ въ контору къ какому-то купцу и жилъ тамъ въ большомъ привольѣ. О купцѣ этомъ онъ написалъ цѣлое хвалебное стихотвореніе, которое также ставить втуникъ всякаго здравомыслящаго человѣка. Купецъ этотъ былъ такъ-называемаго «рыковскаго» тина, расширялъ, улучшалъ и оживлялъ мѣстность, а потомъ оказался на «скамьѣ». И этого маленькаго Рыкова превознесъ народный поэтъ.

— Не онъ одинъ виноватъ! Однако все на одного себя принялъ, никого не выдалъ! Далъ людямъ округъ себя на житься.

Вотъ его взгляды на старыя и новыя времена:

Прежде плохо дѣды жили
Тѣмъ, что барину служили,
А теперь пришла свобода—
Ходимъ въ школу по тѣмъ года,
И изъ нашихъ молодцовъ
Много стало мастеровъ:

Кто котельщикъ, кто столяръ,
Кто сапожникъ, кто маляръ,
Или шорникъ, иль печникъ,
Иль косульный уставщикъ,
Тотъ извозчикъ иль подрядчикъ,
Тотъ приказчикъ иль нарядчикъ.

Вотъ какъ стало хорошо! А вотъ небольшой стишокъ, уже безъ всякихъ «предвзятыхъ идей»:

Цѣль лазоревый люблю,—
Въ свѣтѣ иѣть его милѣй!
Я подруженыкѣ срублю
Нову горенку тенлѣй,

Садъ зелепый разсажу,
Весь березками уставлю,—
Съ милой рядомъ посижу,
А немилыхъ всѣхъ оставлю!..

Ну, какъ, читатель?
Погодите, то ли еще будеть!

III.

Въ народной жизни, какъ и въ жизни «общества», переживается, несомнѣнно, время «переходное». Всѣ «новости» современной деревни, перечисленныя поэтомъ («Прежде плохо дѣды жили»), даютъ возможность понять, почему деревня не можетъ еще, какъ говорится, собраться «съ умомъ», окрѣпнуть въ опредѣленыхъ взглядахъ на собственное существованіе и судить, во имя ихъ, обо всемъ окружающемъ. Поколеблена поэтому же и творческая мысль народа, но что она живеть непрестанно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Не изъ чего собрать и сложить народу пѣсню, но сочинить «стишокъ», откликнуться на разнообразнѣйшія явленія обыденной жизни, этого даже и «утерпѣть» нельзя народу. И вотъ онъ сочинилъ такъ-называемую «частушку», то-есть «куилетъ» (слово въ слово), и этими «частушками» откликается на каждую малость жизни. Три тетради этихъ «частушекъ», находящихся въ моихъ рукахъ, всего около 200 №№, всѣ записаны въ деревняхъ *), находящихся въ весьма недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, и въ каждой изъ этихъ тетрадей встрѣчается не болѣе трехъ или четырехъ повтореній одной и той же «частушки», и то непремѣнно съ какою-нибудь мѣстною особенностью.

Но 200 №№ «частушекъ», положительно, капля въ морѣ въ томъ несмѣтномъ количествѣ произведеній народнаго

* Новгородской губ.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Т. III.

сочинительства въ этомъ родѣ, которое невѣдомымъ путемъ создается невѣдомыми поэтами чуть не каждый Божій день и непремѣнно въ каждой деревнѣ. Собравъ эти «частушки» съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическая свѣдѣнія о всякихъ мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онъ касаются, мы имѣли бы точное представлѣніе о нравственной жизни народа. Ничего подобнаго читатель не найдетъ въ этой замѣткѣ, но все-таки онъ почувствуетъ свѣжестъ и молодость народной души.

Нѣкоторыя изъ «частушекъ» носятъ совершенно определенный характеръ женскаго и мужскаго «сочиненія», напр.:

Неужели ты заяинешь,
Аленъкій цвѣтокъ?

Неужели не вспомянешь,
Милыкій дружокъ?

Это женская «частушка». Та же «частушка» сказывается мужчиной такъ:

Неужели ты заяинешь,
Травушка шелковая?

Неужели не вспомянешь,
Дарья безтолковая?

Или—мужская также «частушка»:

Ай да, ай да!
Моя милая молода!
Молода годочкомъ,

Глупая умочкомъ.
Молода, не старая,
Самоварчикъ ставила...

Нѣчто «мужиковатое» видно иной разъ и въ любовной «частушкѣ» мужскаго сочиненія:

Гдѣ ты, милая, хорошая,
Лазоревый цвѣтокъ?

За тебя, моя пригожая,
Подрались мы разокъ.

Въ женскихъ «частушкахъ» такихъ неуклюжихъ напоминаний о любви нѣть. Но о мести изъ-за любви и женская «частушка» также не церемонится въ выраженіяхъ:

Кабы знала негодяя,
Не любила бы его,—

Посередь синѣва моря
Затопила бы его!

Вообще же темы, которыхъ касаются мужскія и женскія «частушки», почти одинаковы, хотя женскія имѣютъ то преимущество предъ мужскими, что рисуютъ множество женскихъ типовъ всякаго качества.

Воть труженицы:

Дождь пойдеть, съицо обмочить,
Будеть маменька ругать,—
Помоги-ка, мой хороший,
Мнѣ зародецъ дометать.

Кабы знала бѣдна дѣвушка,
Гдѣ ей замужемъ бывать,
Помогла бы злой свекровушкѣ
Хоть капусту поливать.

Отношениe къ матери:

Ужъ ты, миленький ты мой,
Ловкая ухватка!
За тебя не бранить
И родная матка!

Хорошо тому гулять,
У кого родная мать:

Матка встрѣтить и проводить,
И въ окошко поглядить.

Ты, мамаша золотая,
Не брани за молодца.
Если будешь ты бранить—
Буду крадучи любить.

А теперь пойдеть любовь и хорошая и нехорошая:

Мой-отъ миленький работает въ
лѣсу
Напеку ему рогулекъ, отнесу.
Все бы, все бы во елочкахъ стояла,
Все бы, все бы въ ту сторону
глядѣла,—
Мой онъ миленький, онъ чернень-
кій,
Хоть и черненький, печальненький!

Провожала я до рѣчки,
Слезъ не оказала,—
За баскаковскимъ лѣскомъ
Залилася голоскомъ.

Милый мой, милый мой!
Милый—вѣры не одной!
Вѣрой—милый—старовѣры!
Старовѣрочкѣ любой!

Неужели надоѣла
Своей матери-отцу?

Но есть типъ дѣвичий и посмѣлый тѣхъ скромныхъ и
огорченныхъ, которыя видны въ приведенныхъ «частушкахъ»:

Своего я милова
Изъ артели *выбрала*,
Очень просто выбирать—
Онъ ловчѣе всѣхъ ребята.

Что-жъ ты, милый, не пришелъ,
Я тебѣ *вѣльза*?

Неужели я достанусь
Разнесчастному вдовцу?

Мой дружочекъ женится—
Вся жизньъ перемѣнится!
А какъ обвѣчается—
Вся любовь кончается!

Кабы знала, не ломала
Вишенъя не вызрѣвши;
Кабы знала, не любила
Милаго, не вынавши.

Погляжу я съ моста въ рѣчку:
Въ рѣчкѣ темная вода;
По глазамъ милова видно,
Что обманывалъ меня!

По чужимъ я разговорамъ—
Брошу милаго любить;
По ретивому сердечку—
Мнѣ вовѣки не забыть.

Всю я очку не спала,
Все въ окно глядѣла.

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
На бесѣдѣ я была;
Я хорошаго миленка
Во любовь себѣ *взяла*.
Можно радостно называть:

Онъ хороши собой и статеи,
Очень ловокъ на словахъ.
Я съ нимъ долго танцевала,
Онъ мнѣ руку крѣпко жаль,

Я руки не отнимала.
И въ лицѣ явился жарь...
Вышла въ сѣни *простудиться*,
Чтобы жарь съ лица сошелъ.

Вотъ еще изъ смѣлыхъ:
Для чего мнѣ заходить,
Милый, за тобою?
Для чего мнѣ приносить

Дороги подарки?
Вольму милаго за ручку
И пойду съ нимъ въ хороводъ.

Но есть въ «частушкахъ» и еще болѣе смѣлые типы дѣвушекъ:

Батька рожь молотиль,
Я подворовала—
Понемножку, по лукошку,
Бесе милюму па гармошку.

По-за дядину овину,
По-за нашему двору,
Самоходочкой уйду!

Батькѣ сдѣлаю бѣду—
Самоходочкой уйду!
По-за тыну, по за тыну,

Не даешь мнѣ, мама, воли,—
Улечу какъ пташка въ поле:
Не увидишь отъ крыльца,
Какъ проѣду отъ вѣнца...

Есть и застѣнчивая:
Не ходи, милюша, на-домъ.
Не садись со мною рядомъ;

Сядь къ подружкѣ, не ко мнѣ:
Все она разскажетъ мнѣ.

Есть и такія:
—«Право, ноженька болѣла,
Я прихрамывала!»
(Сама Лешеньку, Алешечку
Обманывала!).

Я ласкала Петю лѣтомъ,
Петя бѣгалъ все съ конфетомъ...
А ужъ Ванюшку зимой...
Чтобы не сѣль со мной другой.

А вотъ и совсѣмъ *чушиница*:
Привозила дружка милаго
Я до города Кирилова,
До канавы Бѣлозерскія,
До большой ли что дороженьки,—
Иструдила свои ноженьки!
Ахъ! Милюшъ покорилась...

До Череповца въ погоношку
Гналась.
Было лѣсомъ идти боязно,
Деревнями идти совсѣмъ,
А по задворкамъ—собаки злы,
По заполью—такъ ребята удали...

Такъ и неизвѣстно, чѣмъ кончилась эта погоня несчастной женщины.

«Частушка» не пропускаетъ безъ отмѣтки ни одно новое лицо, появившееся въ деревнѣ. Пришелъ солдатъ, сыроваръ,—о каждомъ сейчасъ же сочинена «частушка»; есть поэтому «частушки», гдѣ фигурируетъ и сельскій учитель. Я учителю два слова—
Не учить до Покрова,
Дай повыстроить платокъ,
А потомъ учи годокъ.

Желанные родители,
Пошли гулять учителы,
Не буду кофей разливать,
Пойду съ учителемъ гулять.

Обо всѣхъ этихъ мужскихъ и женскихъ отношеніяхъ горькій опытъ не дѣвичьей, а уже бабьей жизни поеть не-веселыя пѣсни:

Охъ, пе рвитесь вы, дѣвицы,
Замужъ скоро выходить!
Вы не вѣрьте молодцамъ,
Хоть и болятся.
Они божатся, клянутся,
Отойдутъ,—и засмѣются.
Послѣ смѣху позабудутъ,
Васъ совсѣмъ любить не будутъ.

Навязались супостаты,
Холосты ребяты;
Мимо дѣвушекъ идутъ—
Шляпы не снимаютъ;
Возлѣ дѣвушекъ сидѣть—
Неучливо говорять...

Есть еще среди крестьянскаго населенія особый классъ деревенскихъ жителей, которые чувствуютъ себя чуждыми въ деревнѣ и вполнѣ одинокими. Въ Новгородской губ. повсюду можно встрѣтить питомцевъ воспитательнаго дома, сиротъ, брошенныхъ дѣтей. «Частушки», которыя и они, питомцы, сочиняютъ о самихъ себѣ, замѣтно отличаются отъ общаго, любовнаго тона всѣхъ «частушекъ» осѣдлой деревенской молодежи:

Наши матки, дурочки,
Насъ бросали въ улочки;
Спасибо добрымъ людямъ—
Вскормили бѣлымъ грудямъ!

Словно къ матери родной.
Нѣтъ! Матушка не родная,
Похлебка все холодная.
Породибо бы была,
Погорячай бы налила!

Сиротинка бѣдный
Присталъ къ дѣвушкѣ одной,

Всѣ «частушки», которыя я привелъ въ этой замѣткѣ, заимствованы мною почти исключительно изъ произведеній женскаго ума; мужскихъ «частушекъ» я почти не приводилъ здѣсь.

IV.

Если нашъ крестьянинъ-земледѣлецъ затрудняется новизнами собственной своей теперешней жизни и не можетъ разобраться въ мысляхъ относительно настоящаго и будущаго, то крестьянинъ «рабочій», крестьянинъ, оторванный отъ деревни фабрикой, заводомъ, шахтой, напротивъ, уже давно вполнѣ опредѣлилъ свое положеніе, свое настоящее, свое будущее, и уже сознательно не можетъ даже и мечтать о какомъ бы то ни было измѣненіи въ своемъ положеніи.

Крестьянинъ все еще пытается истолковать разныя новинки времени непремѣнно въ собственную пользу. Объявлять законъ о лѣсо-охраненіи, онъ моментально принимается за лѣсо-истребленіе. Почему? Потому, что тогда, послѣ

опустошения, къ мужикамъ должны отойти всѣ лѣса, какіе только есть. Часто измѣняются рисунки бумажныхъ денегъ, — сегодня одинъ, завтра другій, — и опять мужикъ знаетъ уже, зачѣмъ это дѣлается: для разныхъ людей будуть и деньги разныя, — для мужиковъ одинъ, для евреевъ другій, а для куницовъ третыи. Каждый живи только на свои деньги; тогда «арендатель» можетъ и тысячи рублей совать мужику, но «арендательскія» деньги для мужика все равно, чѣмъ щепки. Просутился-просутился «арендатель», не найдетъ рабочихъ, и «долженъ пронастѣ», а земля «сама собой» къ мужикамъ поступитъ, потому они и безъ денегъ знаютъ, чѣмъ съ пей дѣлать *).

Ничего подобнаго не можетъ прийти въ голову *рабочему* человѣку. Онъ твердо знаетъ, что жизнь его отъ юныхъ дней и до могилы будетъ только растратчиваться, безъ малѣйшей для него личной надобности, съ самою математическою точностью; растищать ее, расщиплють фабрики, заводы, шахты, по часамъ, по звонкамъ, по свисткамъ, а не зря, не «дуромъ», не какъ-нибудь. Знаетъ онъ, что этотъ унылый и угрожающій свистъ заводскаго свистка въ темную ночь, до зари и до заутрени, растревожить его и подниметъ на усталыя ноги.

Знаетъ онъ, что и сонный вскочить онъ на этотъ свистъ, и сонный станеть у станка, и сонный полѣзеть въ темную, сырую шахту. Знаетъ онъ и то, что вовѣки не выѣѣтъ ему изъ этой шахты, вовѣки не уйти отъ станка, если только случай, какой-нибудь годъ необычайного урожая, который вдругъ поправить его семью на полгода, не дастъ ему возможности провести эти полгода «округъ» разореннаго

*) До чего въ стариахъ-крестьянахъ вкоренились несбыточные слухи о землѣ, могутъ служить два сообщенія о тѣхъ же самыхъ слухахъ въ «Сельскій Вѣстникѣ» (№№ 44—45) настоящаго (90 г.) «съ юга и съ-вера Россіи. Изъ Лысвенскаго завода, Пермской губ., мастеровой Ше-боршинъ сообщаетъ, что гр. Шуваловъ предлагаетъ заводскимъ кре-стьянамъ покупать у него землю по 13 руб. за десятину. «Ее поку-паютъ охотно», но не всѣ общественники; многие изъ нихъ *внимаютъ разнымъ* толкамъ, распускаемымъ ничего не понимающими людьми, о томъ, что земля отберется и отдастся имъ *даромъ*. Второе сообщеніе изъ Кубанской области, Новоцербинской станицы. «Родственники рабочихъ, зашедшихъ на заработки въ нашу область, пишутъ, чтобы они *не напоминались на зиму, а шли домой*, такъ какъ вся земля пере-ходитъ во владѣніе крестьянъ». Г. Гудай, сообщающій объ этомъ лож-номъ слухѣ, просить ред. «С. В.» разъяснить народу безсмыслицу такихъ слуховъ. Редакція точными указаніями на законоположенія опровергаетъ эти ложные слухи.

домишка. Положение рабочаго такъ определено, что ему о немъ нѣть никакой возможности «раздумывать», и вотъ почему «пѣсни рабочихъ» въ точности и полной определенности изображаютъ ихъ подлинное положеніе, а не мелкія подробности жизни, чѣмъ мы видимъ въ «частушкахъ».

Въ рукахъ моихъ находится пѣсенька рабочихъ въ шахтахъ, полученныхъ *) съ Юга и Екатеринославской губерніи. Хотя и смыслъ ихъ и условія мѣстности вовсе не напоминаютъ ни въ чѣмъ нашихъ новгородскихъ «частушекъ», но, разъ дѣло зашло о народной пѣснѣ, пусть читатель узнаетъ кое-что и о томъ, что думаетъ рабочій человѣкъ и какъ онъ живетъ.

Вотъ рабочій день шахтера.

На Дону открыли знаменитыя залежи антрацита и тотчасъ же принялись за разработку.

Тамъ прорыты ямы, норы,
Тамъ работаютъ шахтеры.
Одна яма тамъ такая
Огромадная, большая,—
Сорокъ саженъ глубины,
Три аршина ширины.
Сверху зданія большія,
Тамъ машины паровыя
И канаты дротяные.
Въ нихъ проведенъ тамъ шнурокъ.
Наверху виситъ звонокъ;
Только дернешь за шнурокъ,
Сверху вдарить молотокъ,
Верховой даетъ свистокъ.

Не успѣлъ онъ просвистать,—
Накопилось—негдѣ встать!
Въ шахту всѣхъ пась швыронуло:
Не успѣлъ сказать и слово,
Ужъ кричать: «Слѣзай, готово!»
Но продолжимъ разошлись,
За работушку взялись.
Распроклята жизнь шахтера!
День и ночь мы работаемъ,
Ровно въ каторгѣ сидимъ,
День и ночь мы со свѣчами
Смерть таскаемъ за плечами!
Одинъ Богъ Небесный съ нами,
Никакой нужды не знаемъ!

Описывается и гибель шахтера, котораго слишкомъ второпяхъ тащатъ въ шахту. Садясь въ бадью,

Съ бѣлымъ свѣтомъ онъ простился:
«Прощай, солнце, прощай, мѣсяцъ,
Прощай, бѣлая заря!

Всѣ премилые друзья!»
Вдругъ бадейка вскользнула —
Въ шахту бѣдный полетѣлъ!

А вотъ какъ живутъ шахтеры:

Нѣть, ребятушки, трудный,
Какъ работа шахтерей:
Шахтеръ рубить, шахтеръ бѣсть,
Подъ землею ходъ ведеть.
Онъ подходитъ ко стволу,
Въ гору голось подаетъ:
— «Вы, бадейные, не спи!»
Воротные не дреми!
У насъ завтра день субботній,

На получку всѣ пойдемъ.
Мы получимъ денегъ много
И въ кабакъ ихъ понесемъ!»

Дуеть, дуеть вѣтерокъ
Изъ трактира въ кабачокъ.
Тамъ бутылки шевелятся
И стаканы говорятъ!
Идеть шахтеръ въ кабачокъ,

*) Отъ С. З. Витьбина.

Береть водку, табачокъ.

Пьемъ мы водку, пьемъ мы ромъ,
Завтра-жъ—по міру пойдемъ!

Что шахтерска жизнь проклита,
Кто не вѣдасть про то?
Въ Божью церковь онъ не ходить,
Онъ не знаетъ про нее.
День и ночь онъ работаетъ,
Ровно въ каторгѣ всегда!

Придѣстъ празднікъ—воскресенье—
Ужъ шахтеръ до свѣту пьяни!
Въ кабачокъ бѣжитъ дѣтина—
Словно маковка цвѣтеть;
Съ кабака ползетъ дѣтина—
Какъ лутошечка гола!
Ой, гола-гола-гола,
Въ чёмъ мамаша родила!

Кабакъ—вотъ въ чёмъ рабочій видить облегченіе своего тяжкаго труда. Никакихъ иныхъ перспективъ онъ и не подозрѣваетъ даже. Невѣдомая сила вытаскиваетъ его изъ дома и тащитъ его въ яму подъ землю, на сорокъ сажень глубины. Онъ съ испугомъ озирается кругомъ: «Процай, солнце! Процай, мѣсяцъ! Процай, милые друзья!..» Не видно, чтобы онъ хоть на минуту допустилъ мысль о какомъ-нибудь измѣненіи въ своей участіи. Онъ не знаетъ еще и силы той, которая «швырястъ» его въ яму; но онъ твердо знаетъ свое положеніе, ясно видить, что кроме «кабака» нѣтъ никакого облегченія въ его жизни и не будетъ *).

*) Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, послѣ «горькихъ пѣсенъ рабочихъ», «рабочій вопросъ» широко разрабатывается въ законодательствѣ. Страхование жизни, вознагражденіе за увѣчья, уменьшеніе числа часовъ и запрещеніе ночной работы женщинамъ и подросткамъ—все это не соответствуетъ безнадежнымъ мыслямъ рабочихъ о невозможности облегченія.